

Вас. В. ГИППИУС

Пряники

(«Костер» и «Фарфоровый павильон»
Н. Гумилева. Петроград, 1918)

Гумилева знают. Гумилев популярен. Наперекор всем историко-литературным хитросплетениям. Ничего не желая об этих хитросплетениях знать, своенравная публика отдает Гумилеву предпочтение и перед его учителями, и перед его соратниками. Несомненный учитель Гумилева — Брюсов, «поэтический дядька» всех тяготеющих к французской пышности и пряности словесной и картинной; но о Брюсове поехали в свое время и забыли его, как только он начал появляться в академическом сюртуке, как только стал скучен; Гумилеву же еще далеко до академической одежды, он «свой человек» и в костюме спортсмена, и в походном френче. Есть и другой учитель у Гумилева — тот неожиданный в свое время поэтический отшельник, у которого так повядно было учиться «остроте». Ибо каждое движение его воистину было заострено. Это Иннокентий Анненский, но Анненского «свет узнал и раскупил», а там забыл еще более благополучно, чем Брюсова. *Ant mortuis nihil bone**, как говорит чеховский «оратор»¹.

Еще меньше хотят знать поклонники Гумилева о литерат<урных> товарищах и учениках Гумилева: какое им дело, что поэт считал себя (а может быть, и до сих пор считает) командиром нового целого взвода так называемых «акмеистов». Услышав новый термин, публика захотела, конечно, узнать его значение, но, не получив удовлетворительного ответа, зевнула и успокоилась: на ее отношении к Гумилеву это не отразилось.

Надо быть справедливым к Гумилеву: он не делал ничего предосудительного, чтобы влюбить в себя публику. Он отнюдь не потекал, например, ее тяге к изменчивой злободневности. Правда,

* После смерти — ничего хорошего (*лат.*).

в начале войны он принял участие в вакханалии военного стихотворчества. Но и здесь, хотя и примкнул к «оправдывающим», остался оригинален: патриотические неистовства подогревались не им, другими. Не потакал он и спросу на дешевый эротизм под сентиментальным соусом — вообще за публикой не бегал.

Привлек он ее к себе другими качествами: доступностью, занимательностью, живописностью и, пожалуй, пикантностью, но не в дурном смысле. Отвергнув лирические тенденции символистов, сочтя предрассудком их тягу к музыке, он стал заботиться о тщательной лепке и раскраске каждого стихотворения. И они уже не сливались в читательской памяти в одну массу: каждое слово жило своей жизнью. Каждое имело вес, форму, цвет. Они сыпались из книг его как пряники: вот пряник-рыба, вот пряник-лошадь, а вот король с королевой, все замешанные на меду, вкусно и сладко выпечены, ярко расписаны и внутри каждого — перец-имбирь или другая пряность.

Открываю новые книги Гумилева — «Фарфоровый павильон» и «Костер». Первая — целиком состоит из пряников — по китайскому рецепту. Пряники сыплются и из второй. Вот, напр<и-мер>, что удалось сделать Гумилеву, какое воображение его остановилось на теме невского ледохода:

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их горестное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

(«Ледоход». «Костер», с. 15)

Не правда ли, прочитав эти строки, нельзя удержаться от улыбки — но не насмешливой, а ласково-поощрительной, чуть ли не такой, которой мы встречали наиболее удачные словосочетания Игоря Северянина? Гумилев не такой озорник, как Северянин, он не все, а только кое-что принесет в жертву остроте и пряности, — зато, вероятно, он и не «выскочит из ландолета девушками окруженный»². Но историки нашей поэзии вспомнят, что первый голос, раздавшийся в защиту фокуснической ловкости Северянина, был голос Гумилева (в «Аполлоне» 1911 года — рецензия об электрических стихах). Родство их несомненно. Гумилев — облагороженный Северянин, или Северянин — опошленный Гумилев: как угодно.

Не может не улыбнуться читатель, знакомясь с другими словесными пряниками Гумилева. О женском голосе он говорит —

Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной.

(«Телефон». «Костер», с. 37)

Читатель догадывается, конечно, что это неспроста, не лирическая запись впечатления, что автор, говоря словами его учителя Брюсова, «счел своевременным» утвердить в поэтических правах современный телефон. Да, в бессознательном разбеге воображения придется раз навсегда забыть тому, кто пренебрег символической «existence» * во имя веселой конкретности, символической музыкой во имя лепки, во имя «печения». Любопытнее всего, что улыбается не только читатель: улыбается, очевидно, и сам автор. И это не та улыбка, которая искрами брызжет из развалившихся глаз, как это по временам бывало с Пушкиным, — это улыбка торжествующего мастера, мастера, довольного тем, что он сделает. Нет-нет, и эта улыбка прорвется там, где ее, казалось бы, трудно ждать — напр<имер>, в раздумьях о своей смерти:

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели, (щели??)
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

(«Я и вы». «Костер», с. 17)

Нет сомнения — в стихах этих отражено то подлинное, чем живет поэт. Нет сомнения в глубокой серьезности такого, например, прекрасного стихотворения, как «Деревья»:

Я знаю, что деревьям, а не нам
Дано величье совершенной жизни.
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

.....

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм...

(«Деревья». «Костер», с. 7)

* существование, жизнь (фр.), здесь — бытие (ред.).

Но удивительное дело: когда, прочитав, представляешь себе лицо поэта, не можешь отделаться от навязчивой мысли, что автор и здесь улыбается. Всюду, всюду чудится читателю улыбка мастера, как нельзя больше довольного своей работой, — и совершенно невозможно, слушая стихи Гумилева, представить автора плачущим, тогда как слезы на глазах Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Блока были бы вполне естественны.

Гумилев — отличный лепщик, отличный выделыватель хороших стихов, и отличным качеством своих «пряников» он подкупает не только публику, но и толпу «молодых», как иногда бывает с учениками, которые пренебрегают тем серьезным, что есть в учителе, и, усвоив его внешние приемы, наперебой упражняются в тонкостях печения пряников. Все шире и шире расплываются самодовольные улыбки: их отношения к своему искусству хорошо формулируются фразой героя: (кажется, в стихотворении одного молодого поэта этой школы)

То, что я сделал — превосходно!
И это сделал — я!

Так будет еще долго. Сейчас, в эпоху всяческого голода, особенно соблазнительно обманывать свой голод пряниками. Но уже скоро раздастся неумолимое требование: «хлеба!». И тогда пряные фразы и рифмы отойдут на время в историю. А пока Гумилев по праву выдвинут читающей стихи публикой в первые ряды, по праву заслужил ее расположение. Большой искусник, он кажется иногда обладателем изумительных, вряд ли не сверхъестественных способностей — и вдумываясь в название его книги — «Костер», мы не сразу можем догадаться, что в самом деле перед нами подлинное горение, огонь, низведенный с неба магической волей, почти или только бенгальские огни (конечно, самого лучшего качества!).

